

18+

18+

СБИВАТЕЛИ

"БЕЗУМНО ЖЕСТОКОЕ И ЭФЕМЕРНО
ПРЕКРАСНОЕ ВИДЕНИЕ АМЕРИКИ"

М. ДОЛЕНГ

СЕРГЕЙ

ХАРЛОВ

Сергей Харлов

Сбиватели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56589855

SelfPub; 2024

Аннотация

В голове десятилетнего Брета Салливана живет тепло. Светлое. Это сияние помогает ему выбраться из ночного леса, справиться с ранней смертью матери, стать писателем. В голове его друга Гарольда Маринвилла тоже живёт тепло. Тёмное. Оно помогает маленькому Маринвиллу задушить белку, сбить насмерть оленёнка, срезать палец с ноги человека. Их пути расходятся всё дальше и дальше... Но спустя годы повзрослевший Брет звонит Гарольду и предлагает совместную поездку на озеро Плейсид. Как в детстве. Что если этот звонок спровоцирован теплом Брета? Что если это только начало противостояния двух инородных сущностей, сокрытых в человеческих телах?

Содержание

1	4
2	17
3	35
4	49
5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сергей Харлов

Сбиватели

1

Шоссе I-93N

– Авария произошла в тот момент, когда «Бьюик» пытался обогнать автомобиль «Тойота Марино». В результате «Бьюик», уходя влево, на высокой скорости коснулся «Тойоты», вылетел в кювет и врезался в дерево. Типичный случай. Водитель «Бьюика» скончался на месте – перелом позвоночника, рёбра, столкнувшись с рулём, проткнули лёгкие насквозь, обширное внутреннее кровотечение завершилось летальным исходом... – надрываются фонащие динамики джипа, выплёвывая слова дикторши, молоденькой девушки.

– Что за дерьмо играет в моей машине? – говорит Брет Салливан.

Эту машину подарил ему отец. Старый тёмно-красный «Шевроле Субурбан», отслуживший Салливану-старшему добрых двадцать лет, везёт теперь Брета, Пола и Гарольда по пустынному федеральному шоссе I-93N. Пол за рулём, Гарольд справа от водителя, негодующий Брет расположился на заднем сиденье. Сиденье это видало виды – пропитано

пивным запашком и всё в подозрительных белых пятнах. У каждого своя теория на этот счёт, и каждый видит свои плюсы и минусы в обшивке заднего сиденья джипа.

Пол Кауфман, друг Брета, говорит так: «Сперма не пахнет, в отличие от пролитого пива».

Гарольд Маринвилл, друг Брета, говорит так: «Пиво не оставляет пятен, в отличие от пролитой спермы».

Генри Салливан, отец Брета, говорит так: «Я всегда любил потрахаться и выпить пивка в машине».

Мистер Салливан – хороший человек, добрый, но сейчас его нет в машине, был бы – эта радиостанция точно не играла бы. Генри любит рок-н-ролл.

Голос из динамиков продолжает вещать троице про автомобильную аварию.

Брет облакачивается на сиденья спереди и повторяет:

– Что за *кровожадное* дерьмо? – Он переводит взгляд с Пола на Гарольда.

Брет одет в потёртые джинсы и расстёгнутую клетчатую рубашку, из-под которой виднеется полоска загорелого тела. Брету двадцать один год. Его спутникам – Полу и Гарольду – по девятнадцать. Они познакомились ещё в раннем детстве на большом картофельном поле. Угодье Дружбы – так мальчики окрестили это место. Отец Брета был тогда фермером, как и отцы Пола с Гарольдом. Разница в том, что Салливан-старший и по сей день остаётся фермером, а мистер Маринвилл и мистер Кауфман уже четыре года как прода-

ли свои фермы и с вырученной суммой отправились жить в Нью-Йорк. Открыли собственное дело – небольшую компанию по поставке кованых изделий «Маринвилл и Кауфман». Рискованный шаг, но в скором времени он оправдал себя, и нулевая отметка перепрыгнула за шестизначные суммы. Когда компания «Маринвилл и Кауфман» занялась производством бронзовых канделябров и подписала договор на экспорт, совсем недавно тревожащий денежный вопрос позволил забыть о себе. Прошло четыре года, и многое изменилось. Пол с Гарольдом окунулись в ритм Большого Города под золотой дождь родительских денег; Брету же ничего не оставалось, кроме как пойти по стопам отца и большую часть времени корпеть над картофельным полем.

«Я их не виню, – вот что думает по этому поводу Брет, – не виню их родителей, не виню моего отца. Винить некого. Будь у меня новёхонькое авто и столько же денег – да идут все эти разговоры о социальной несправедливости».

Пол Кауфман, Гарольд Маринвилл, Брет Салливан. Путешествие к дому у лесного озера Плейсид таким составом – затея Брета, его звонок двум друзьям спустя четыре года с предложением собраться. Этот старинный дом – совсем недавнее приобретение отца Брета. Недвижимость досталась ему почти даром от дальнего родственника по линии жены, которого он и знать-то не знал. Единственный минус – озеро Плейсид находилось в двух днях езды от фермы Салливанов. «Пёс с ним, – сказал по этому поводу Генри, в очеред-

ной раз, пересчитывая отложенные на ремонт дома деньги. – На первое время это будет отличное место для отдыха после осенней уборки урожая. Потом я приведу дом в порядок и перепродам в тридорога».

До уборки урожая оставалось ещё два месяца, но Брет попросил у отца преждевременный отпуск. Генри не возражал. Он любил сына. Назвал его «бесплезным никчёмным выменем» и велел передать привет отцам Пола и Гарольда.

Брет начал собирать вещи. За колёса он взял ответственность на себя (его друзья передвигались исключительно на такси и родстерах). Брет вывел из гаража ту самую полупрогнившую легенду – тёмно-красный джип «Шевроле Субурбан», динозавра 1986 года выпуска с двадцатидвухдюймовыми колёсами, на сиденья которого спускал как Салливан-старший, так и продолживший традицию Салливан-младший, – и отправился в Нью-Йорк за друзьями.

В пункте назначения Брета за рулём сменил Пол.

Три дорожные сумки, пять упаковок пива, три человека – и «Шевроле» уже пару часов как на пути к дому у озера Плейсид.

Из фoniaщих динамиков джипа всё это время раздаются репортажи об автомобильных катастрофах, о трупах, искорёженном металле и полыхающем бензине. Первое время Брет этого даже не замечал за непрекращающимися разговорами, но спустя два часа езды наступила тишина.

Так и не дождавшись ответа на свой вопрос, Брет говорит:

– Пол, переключи на другую волну.

Пол, сидящий за рулём «Шевроле», вопросительно смотрит на Гарольда, сидящего справа от него, тот молчит и, не шевелясь, словно в трансе, внимает голосу дикторши. Его рот чуть приоткрыт, глаза чуть приоткрыты.

Время, проведённое в городе, изменило Гарольда. Карикатуризировало. Когда-то щуплый мальчик с добрыми глазами округлился, прибавил в весе кило пятьдесят-шестьдесят, а над ремнём нависло добротное брюхо. По сравнению с Бретом Гарольд выглядит неуклюже. Компенсация лишних кило для Маринвилла – это стиль. Его выход из положения находится выше и ниже кожаного ремня от *Patrick Aubert*. Только дизайнерская одежда: брюки от *Christian Dior*, рубашка от *Bill Blass* и туго затянутый (несмотря на царящую в салоне жару) галстук от *Claiborne* с узором. На ногах кожаные туфли в дырочку от *Brooks Brothers*. Образ молодого и успешного – презентабельное клише Гарольда. Курчавые чёрные волосы зачёсаны назад и уложены гелем, маленькие карие глазки с вечной хитрецей, улыбка напоминает ножевую рану, но Брет хорошо помнит своего друга – это иллюзия, внутри Маринвилл другой. Виноват избыточный вес, превративший его мимически в смесь злодея из кино и обиженного младенца.

Брет говорит:

– Гарольд? Может, ты выключишь этих ребят, решивших поиграть в догонялки?

Гарольд не реагирует на сказанное, даже ухом не ведёт в сторону сидящего сзади. Он в глубоком трансе.

Заминка.

Из динамиков:

– Водитель «Тойоты Марино» отделался лёгким шоком, который заработал при попытке помочь водителю «Бьюика» выбраться из кабины. Шок как следствие увиденного в кабине...

– Ну, хватит. – Брет тянется к панели радио. – Где добрый рок-н-ролл?

Когда палец оказывается в нескольких сантиметрах от кнопки переключения радиоволн, Гарольд выходит из транса, молниеносным движением перехватывает руку Брета и сжимает так, что кисть белеет, – обманчивая пухловатость пальцев скрывает цепкие стальные стержни. Гарольд наклоняет голову набок и, не отпуская руки Брета, шепчет тому в ухо:

– Водитель «Тойоты Марино», получивший шок, – это единственный человек, которому...

Его слова звучат прямо поверх голоса дикторши, она говорит:

– ...понадобилась помощь «скорой». Водителя «Бьюика» увезли в чёрном прорезиненном мешке.

Гарольд воркует в унисон с эфиром.

На лице Маринвилла появляется блёклая полуулыбка, и он заканчивает вместе с дикторшей – фонащийся женский и

сиплый мужской одновременно:

– С вами была Нора Эмес. Помните, все дорожные происшествия в первую очередь появляются в передаче «Столкновение» на «Авторадио». Следите за дорогой, мы будем следить за последствиями.

Нора Эмес – Гарольд Маринвилл.

Из динамиков льётся музыкальная заставка между репортажами «Авторадио».

– Что за?.. – Брет освобождает руку от крепкого хвата и удивлённо смотрит на друга. – Слово в слово, в прямом эфире. Откуда ты... Ты как это сделал?

Пол с Гарольдом переглядываются и взрываются хохотом.

– Он – пророк, – выдавливают Пол через смех. – Гарольд, мать его, Кейси¹.

Пол подставляет пятерню, Гарольд хлопает.

– Кейси? – переспрашивает Маринвилл, но звучит это «Кейси?» как «почему бы и нет?». – Гарольд Кейси, – повторяет он уже утвердительно и кивает: – Мне нравится.

– Ладно. – Брет расслабляется и откидывается на сиденье. – Рассказывай, где здесь Гудини² спрятался.

Пол вставляет:

– Гарольд Гудини.

¹ Эдгар Кейси – великий провидец, живший в 1877–1945 годах, родился в Соединенных Штатах Америки. Эдгар Кейси предсказал создание лазера, Великую депрессию и падение коммунистического режима в Советском Союзе.

² Гарри Гудини (1874–1926) – всемирно известный легендарный фокусник-иллюзионист.

Гарольд говорит:

– Брет, ты хороший парень, но всегда был идиотом. Вернешь в зелёных человечков, волшебных оленей Санта-Клауса, йети, ночных фей... – Он тычет в боковое окно пальцем в широко раскинувшиеся поля зелёной травы, а затем в машинную антенну с маленьким американским флагом на пике. – Всё проще. На этих просторах радио нет. – Он говорит: – У тебя слишком плохая антенна, можешь использовать её как флагшток, удилище или копьё, но мой тебе совет: не используй её как антенну. – Гарольд нажимает на панели управления кнопку, и магнитофон выплёвывает кассету. – Репортаж здесь, он записан на кассету, это был не прямой эфир.

Вид у Гарольда торжественный.

Брет фыркает.

– И всё? – Маринвилл разочарован. – Что значит твоё «пф-ф»?

– «Пф-ф» – значит «мудак». Гарольд Маринвилл... – Брет многозначительно фыркает.

Пол смеётся, но предупреждает:

– Я бы на твоём месте не провоцировал Гарольда Кейси.

– Не провоцируй, – серьёзно говорит Гарольд.

– А то, что?

– Захвачу руль «Шевроле» силой мысли.

Брет вновь фыркает.

– О, нет! – Пол начинает крутить рулевое колесо из сто-

роны в сторону и кричать, как дешёвый актер из бюджетного фильма ужасов: – Он захватил руль «Шевроле» силой мысли! Руки меня не слушаются! Гарольд Кейси поработил мои руки! – Джип виляет из стороны в сторону. – Пристрели меня, Брет! Пристрели, пока я не угробил всех нас!

– Это напоминает «Дуэль»³ 70-х. – Брет сдаётся и улыбается.

– Это напоминает убогий фильм 50-х, – говорит Гарольд.

– Вообще-то «Дуэль» – классика. – Пол прекращает валять дурака и выравнивает курс.

– Ага, – кивает Маринвилл. – То, что снял Спилберг, – классика. То, что изобразил ты, – 50-е.

– Сейчас нулевые.

– Пол, ты – тухлый шут.

– Не обращай внимания, – говорит Полу Брет. – Парень завидует. А ты умеешь порой выдумать действительно сочное дерьмо. Мой отец называет это талантом.

Некоторое время в салоне стоит тишина. Только шелест шин по асфальту.

Салливан проворачивает в голове розыгрыш с записанным на кассету репортажем «Авторadio» и говорит:

– погоди, Гарольд, а зачем тебе было записывать на кас-

³ «Дуэль» – американский телефильм Стивена Спилберга 1971 года с Деннисом Уивером в главной роли. Экранизация одноименного рассказа Ричарда Матисона. Фильм рассказывает о коммивояжёре, который на своём легковом автомобиле вынужден вступить в автомобильную схватку с таинственным сорокатонным грузовиком посреди Калифорнийской пустыни.

сету и разучивать наизусть «Авторадио»? Почему именно «Столкновение»?

– В смысле?

– В прямом. Это у тебя шутки такие продуманные? Или ты в кружок «Я юный актёр» по субботам ходишь? Твоим домашним заданием было перед зеркалом прочитать наизусть весь репортаж «Столкновения»?

– Это моя собственная коллекция, – гордо сообщает Гарольд. – Только что мы слушали выпуск 1993 года. Раннее. У меня дома на CD все избранные репортажи «Столкновения». Я сам вырезал, сводил и записывал. А так как в твоём динозавре стоит кассетная магнитола, пришлось к путешествию подготовиться: переписать с CD на кассеты. Вышло чистой записи на восемь кассет. Благо, у тебя здесь не грамофон встроенный, а то пришлось бы на винил писать. – Гарольд смеётся.

Брет поворачивается к Полу:

– Он псих?

Пол кивает.

Равнодушие Пола не успокаивает Брета.

– Что значит «избранное»?

– Значит «самые громкие аварии», – в голосе Маринвилла появляются ноты спеси. – Мощные столкновения, искорёженный металл, ну и, естественно, смерть. *Много* смерти. Круто, мужик. – Он ищет поддержки: – Круто, Пол?

Пол молчит.

– И зачем ты с собой это взял? – недоумевают Брет.

– Как зачем? Слушать.

– Сколько с ним ни ездю, – нарушает диалог Пол, – врубаю свой CD на полную катушку и в транс впадает. Чокнутый. Всех таксистов распугал. А иногда ещё прищёптывает, что там, да, в каком количестве у кого отлетело. *Подпевает*. Кого спасли, кого не спасли. Кого собрали, кого нет. Знает всё наизусть. – Пол добавляет: – Много воды утекло с тех пор, как мы последний раз виделись, Брет.

Брет ловит взгляд Пола в зеркале заднего вида и понимает, что Пол в отличие от Гарольда за прошедшие четыре года почти не изменился. Всё та же умиротворённая пацифистская улыбка.

Салливан уточняет:

– Все репортажи «Столкновения» *наизусть*?

– Нет! – Маринвиллу становится не до шуток. Он багровеет и трясёт руками. – Я же тебе говорю: только *избранное!*

– Восемь кассет?

– *Восемь кассет!!!*

– Психует. – Брет поворачивается к Полу. – Уже неплохо. Я читал, что психоз – это первый признак совести.

– Либо шизофрении, – добавляет Пол.

– Но мне нравится.

Пол собирается промолчать, но всё-таки соглашается:

– Сукин сын становится забавным.

Гарольд молчит. Его ярость, возмущение, злоба уже зато-

пили салон «Шевроле» плотным карминовым туманом. Видно, что он искренне пытается успокоиться, быть сильнее ситуации, не потерять самоконтроль. Не выходит. Пунцовый Маринвилл взвизгивает:

– У каждого своё хобби, свои взгляды, не тебе меня судить, Брет! Кому-то картофель, кому-то трупы. Давай, Пол, объясни нашему юному фермеру, что вода утекла не зря. Ты ведь прикладываешь ухо к «Столкновению»? А? Ты ведь со мной, дружок?

– Пол?

Пол пожимает плечами:

– А что Пол? Картофель или трупы? Это не шоу на телевидении. Четыре года прошло – разве не достаточно, чтобы перестать тыкать друг друга под рёбра пальцем и кричать по любому поводу? Вспомните лучше что-нибудь хорошее. Угодьё Дружбы, собаку Брета, наши деревянные кораблики. Мы едем на отдых – расслабьтесь. Всё лучше, чем злоба и агрессия.

– Пол прав, – говорит Брет.

– Пол всегда прав, – библейским тоном передразнивает Гарольд.

– Потрясающий день, – говорит Пол. – Салон этой машины так и переливается всеми цветами слабоумия. – Он кладёт руку на рычаг переключения скоростей.

Поля закончились. Появились первые деревья. Полотно асфальта начинает изгибаться волнистой линией.

«Шевроле Субурбан», хрустнув передачей, погружается в лесистую местность.

2

Окрестности Грейнтс-Хилла

За десять лет до событий на шоссе I-93N

Гарольду девять лет. Он целится в яблоню из самодельного арбалета.

Стремя медленно ходит из стороны в сторону, мальчик выбирает одну из сотни зелёных мишеней на дереве. Он залёг в траве у сарая, это выгодная позиция: до яблони всего двенадцать метров, а целей на ней хоть отбавляй. Яблоневый сад Маринвиллов раскинулся позади дома на добрый гектар.

Гарольд тянет носом. В воздухе стоит приятный аромат – урожай спеет, – и терпкий фруктовый дух: падалица бродит в прессе для сидра. Август. Скоро здесь появятся сезонные рабочие, а с ними и шум, но это всё потом, сейчас тихо. Самое время для охоты.

Солнце слепит глаза, и Гарольд отползает в тень сарая.

Тринадцать метров.

Ветер стихает, выстрел сопровождается хлопком капроновой верёвки, снаряд летит мимо.

– Неудачник, – комментирует промах девятилетний мальчик.

Он перезаряжает арбалет. Оружие ему помог сконструировать дедушка: плечи из ясеня, спусковой механизм – гнутый гвоздь, снаряд – дротик от дартса, направляющая арба-

лета выполнена из бруска с пазом, углублённым при помощи циркулярной пилы, и посажена на профилированное дубовое ложе, что придает грубому изделию прямо-таки художественный вид.

Второй выстрел приходится в цель.

Плод качнулся, но не упал. Дротик торчит из центра яблока.

– Нужно больше мощи. – Гарольд вновь недовольно скалится.

Наконечник дротика обмотан изолентой, это добавляет нужный вес. Гарольд сам балансировал каждый снаряд, выверяя моток за мотком до идеала. Но этого мало. Когда Маринвилл говорит: «Нужно больше мощи», – он имеет в виду, что его арбалету нужны стальная дуга, «козья нога»⁴ и болт вместо дротика. Даже в свои девять лет он понимает, что берёт слишком круто. На деле он готов отказаться от стальной дуги и болта, но «козья нога» – это просто необходимость. В его детских руках недостаточно силы, чтобы как должно натянуть тетиву. Таким оружием яблока не сбить. Дать покачаться – да. Сбить – нет. А какой тогда во всём этом смысл? «Это уже детскость какая-то», – вот, что думает по этому поводу Гарольд. Глупость, как и резиновые ножи, пластиковые бумеранги, бумажные самолётики. «Всё долж-

⁴ В Средневековье натяжение арбалета производилось «козьею ногой» – так назывался приставной железный рычаг сложной формы, упирающийся в два выступа. При повороте рычага с увеличением силы натяжения уменьшался радиус вращения рычага – тетива натягивалась без особых усилий.

но быть взаправду, – считает Гарольд, – или никак». Сталь, мощь, боль – вот девиз Маринвилла. Но «козью ногу» самому не изготовить, нужна помощь дедушки, а для этого нужны аргументы. Пара-тройка у Гарольда имеется. Он сворачивает боевую позицию и направляется к дому. Взрослые иногда умеют быть полезны.

* * *

Дедушка сидит на веранде в кресле-качалке с курительной трубкой в руке. Сегодня он забил вишнёвый табак. «Пахнет здорово, – думает Гарольд. – Будто вишнёвый сад горит».

Вслух говорит:

– Привет, дед.

Дедушка салютует ему трубкой, как бокалом хорошего вина.

– Я хочу улучшить свой арбалет, – сразу переходит к делу Гарольд. – У него не хватает мощи: яблока не сбить. Когда я был с папой в городе, мы зашли в библиотеку, я взял книгу «Типичное, древнее и средневековое оружие». У меня есть чертежи.

– Античное, – поправляет дедушка.

– Что?

– *Античное*, древнее и средневековое оружие.

– Да. – Гарольд говорит: – У меня есть чертежи.

Ещё у него была пара-тройка аргументов, но он забыл их

по пути к дому. Так что остаётся только добавить:

– Хорошие чертежи.

– Гарольд, Гарольд... – Старик смеётся.

Вообще-то Гарольду нравится дедушка. Седые волосы, золотые руки, усы как у Теодора Рузвельта⁵. Что ещё нужно хорошему дедушке? Ко всему прочему, он умеет организовать настоящую военную кампанию. Однажды дедушка взял его на охоту, но, как он ни пытался облагородить это действие, прихватив себе бутылку вина и шипучку внуку, завернув пару яблок в белоснежное полотенце и осторожно начистив ружье... от этого действия всё равно пахло мёртвым. Кровью и костями. И именно это – не красивая обложка, – именно *это* привлекло Гарольда.

Сталь, мощь, боль.

Выстрел прозвучал тогда громом, порох не капрон. Кровь хлынула из оленя фонтаном. Жуткое и одновременно завораживающее зрелище; такое не прикрыть разговорами о благородстве древнего мужского промысла. И Гарольду это нравилось. Ещё бы. Родители запрещают смотреть фильмы ужасов, а дедушка при тебе сносит голову оленю. Чертовский контраст.

Старик говорит:

– Неси свои чертежи. Посмотрим, что можно сделать.

Ну, как его не любить?

Гарольд пулей летит к себе в комнату, взмывает по лест-

⁵ Теодор Рузвельт – двадцать шестой президент США (1901–1909).

нице через три ступеньки, толкает дверь плечом. «Античное, древнее и средневековое оружие» лежит на пачке комиксов у прикроватного столика. Он сгребает толстую книгу в охапку и бежит вниз. Сердце мальчика колотится в бешеном ритме, он уже представляет, как стрела из арбалета сбивает оленя и валит наземь. По телу растекается приятная дрожь.

Убийство – на удивление вертлявая штука, может заинтересовать в любом возрасте.

* * *

– Эта вещь в своё время уничтожила рыцарей, – говорит дедушка Гарольду, держа в руках наполовину разобранный и подготовленный к модернизации арбалет.

Они расположились в сарае – дедушкиной мастерской по совместительству – по разные стороны верстака. Верстак завален брусками, опилками и досками. На полках сарая лежат втулки, шестерёнки, подшипники и прочие маслянистые детали. Гарольд тянет носом. Пахнет здесь древесиной и креозотом, тем самым металлическим ароматом подземного метро. Пахнет даже лучше, чем в яблоневом саду.

Дедушка говорит:

– Быть рыцарем очень дорого. Доспехи и оружие, лошади и слуги – всё это стоило больших денег, но рыцари всё равно оставались важной частью любой армии. До тех пор пока не появился арбалет.

Гарольд внимательно слушает. Он любит эти неожиданные исторические справки от дедушки. Молчит, молчит, а потом раз – и ни с того ни с сего выдаёт на одном дыхании целую веху из анналов истории. К сожалению, с цензурой, с глупым прикрытием без капли крови. Но Гарольд-то знает, как оно было. Люди тогда убивали себе подобных, это считалось нормой, не то что сейчас. Воображение мальчика срывает саваны с трупов, добавляет красок. Под «Античным, древним и средневековым оружием», под пачкой комиксов, под плейбоевским журналом лежит его любимая книга – «Анатомия человека». Личная библия Гарольда Маринвилла.

Дедушка говорит:

– Арбалет ввиду своей мощности наносил тяжёлые повреждения.

«Пробивал органы, артерии, глаза», – договаривает про себя Гарольд.

– Из-за страшных ран, наносимых болтами арбалета, католическая церковь запретила использование этого оружия.

«Разрыв селезёнки, печени, внутреннее кровотечение».

– Правда, с этим запретом мало кто считался. Всё дело в том, что решение было принято в 1139 году папой Иннокентием II под давлением знати из-за опасности этого оружия для рыцарей, броня которых уже не спасала от болтов.

Воображение Гарольда кипит восторгом: «Болты прошивают панцирь рыцаря и насаживают человека изнутри».

этой железной тюрмы. Вминают латы и цепляются за тело десятисантиметровыми гвоздями так, что доспехи уже не снять. Не говоря уже о том, что во время боя их никто не будет снимать. Рыцарю приходится продолжать битву в костюме “железной девы”⁶».

– Гарольд?

– А?

– Вид у тебя мечтательный. Ты слушаешь?

Гарольд кивает.

Дедушка говорит:

– Арбалеты пытались запретить, так как пейзаинин с суммарной практикой в стрельбе длиной в один день мог смертельно ранить или покалечить рыцаря, который тренировался смертельно ранить или калечить всю свою жизнь. Это было невыгодно. Рыцари были главной силой на поле боя на протяжении веков, и казалось, будто никто никогда не сможет заменить их. Но концом танков того времени стало очень простое изобретение. – Старик демонстративно подбрасывает в руках самострел.

– Класс.

– Согласен. – Дедушка добродушно улыбается в надежде на безобидность своей истории, но продолжает работу молча.

⁶ «Железная дева» – средневековое орудие пыток, представляющее собой сделанный из железа шкаф, внутренняя сторона которого усажена длинными острыми гвоздями.

Механизм натяжки перебран и подготовлен к усилению; детали для «козьей ноги» напилены, разложены в порядке сборки; два стальных прута уже загнуты, подогнаны по размеру и вставлены в паз деревянной основы.

– Расскажи ещё что-нибудь, – просит Гарольд. Его голос дрожит от возбуждения. – Про массовые убийства.

– Нет.

– Почему?

– Это не для детей.

– Пожалуйста...

– Чёрт побери. – Дедушка ругается – хороший знак. Готовится нечто грандиозное. – Ни слова родителям!

Гарольд сглатывает – в горле у него в момент пересыхает – и согласно кивает:

– Ни слова.

– В тринадцатом веке недалеко от Парижа была построена гигантская виселица Монфокон, до наших дней не сохранившаяся. Монфокон был разделён на ячейки вертикальными столбами и горизонтальными балками и мог служить местом казни для пятидесяти человек одновременно. По замыслу создателя сооружения де Мариньи, советника короля, вид множества тел на Монфоконе должен был предостерегать остальных подданных от преступлений.

Если б дедушка знал, что рисует изображение внука, то не боялся бы за такие слова, как «виселица», «казнь» и «множество тел».

– Де Мариньи, – вслух повторяет Гарольд, чтобы запомнить. И про себя: «Нужно взять его биографию в библиотеке».

Чем хороша история Средневековья – на неё нет возрастных ограничений. Историческая кровь не облагается детским запретом, в отличие от современной крови в вечернем выпуске новостей. «Это было давно, значит, не так страшно», – считает общество, и Гарольд не возражает.

– Что еще изобрёл де Мариньи?

– Ничего. В конце концов и сам де Мариньи был повешен на своём изобретении.

– Класс.

– Согласен. – На этот раз дедушка не улыбается.

Раздаётся щелчок. Механизм «козьей ноги» сработал, тетива натянулась так, что плечи заскрипели. От арбалета повеяло мощью.

Старик бережно передаёт модернизированный самострел внуку.

– Теперь это не игрушка, а настоящее оружие. Помнишь, я говорил тебе никогда не быть жадным с друзьями, Гарольд?

Внук нехотя кивает.

– Так вот, оружия это не касается. Никогда не делись им.

Лицо девятилетнего Гарольда Маринвилла растягивает довольная ухмылка.

Он и не собирался.

Гарольду нравится рок-музыка 70-х. Не такое унылое песнопение, как *Smyle, Big Foot, Roxy*, а такое безудержное веселье, как *Van Halen, Led Zeppelin* и *Kiss*.

У него есть кассетный плеер. Плеер подарили ему родители на прошлый день рождения. Это не дорогая, тонкая модель, как у парней из старших классов, но звук хороший, и музыку можно брать с собой куда угодно. В девять лет это важно. Когда у каждого события на свежем воздухе есть музыкальное сопровождение – вот что действительно круто.

Тетива, впервые натянутая до звона «козьей ногой» под «Лестницу в небо» *Led Zeppelin*. Выбор цели под «Шестнадцатилетнюю Кристину» *Kiss*. Яблоко, буквально взорвавшееся изнутри под «Счастливые тропы» *Van Halen*.

Некоторые моменты жизни уходят в память с музыкой, и это хорошо, это делает песни индивидуальными, добавляет им волшебства. Потеряй девственность под «Коричневый сахар» *Rolling Stones*, включи этот трек через пятнадцать лет – и ты вспомнишь свой первый секс, включи «Коричневый сахар» через шестьдесят лет – и ты вспомнишь, что у тебя когда-то стоял. Чем не волшебство?

О сексе девятилетний Гарольд пока не думает, но модернизированный арбалет в сочетании с хорошей песней вызывает у него не менее приятное шевеление в чреслах.

Когда первая цель с хлопком орошает траву мелкими кусками плода, он орёт от восторга на весь яблоневый сад:

– Ронни, мать его, Бакстер⁷ бьет в цель! Ронни, мать его, Бакстер-Ракета!

Дедушка в этот момент сидит на веранде. До него доносятся только обрывки криков из яблоневого сада: «...мать его! ...мать его!» – но интонация однозначно положительная.

– Маленький активный сукин сын. – Дедушка по-доброму улыбается, попыхивает трубкой.

После пробы своего нового оружия в яблоневом саду Гарольд принимает решение перейти к более серьёзным испытаниям, и он знает, где их провести.

Лес – идеальный полигон.

* * *

Гарольд идет по лесной тропе. Он в полной боеготовности: через плечо переброшена патронташная лента с дротиками, на кожаном ремне у бедра висит «козья нога», в руках заряженный арбалет, в ушах гитарные риффы *Van Halen*.

Древний лес является неотъемлемой частью жизни фер-

⁷ Ронни Бакстер (род. 5 февраля 1961, Блэкпул, Ланкашир) – профессиональный игрок в дартс. Карьеру начал в 1980-х годах. Дважды финалист *Lakeside World Championship*, финалист *World Matchplay*, *World Masters* и *Las Vegas Desert Classic*. Бакстер получил прозвище Ракета за быстрый стиль бросков

меров: грибы, ягоды, дичь. У местных детей и подростков собирательство с охотой в крови. Это главное занятие. Все фермы (в том числе фермы друзей Гарольда – Пола и Брета) примыкают к границе леса. В общинах складываются свои правила, и убийство животных с малых лет здесь не возбраняется. Особенно это касается досуга подростков, возраст которых требует развлечений. Вооружившись дробовиком, они уходят в чащу пострелять зайцев, а потом и выпить пива. Подросткам нужно на чём-нибудь концентрировать внимание. Гарольд концентрировал свое внимание на подростках. У него был кумир – прыщавый неприметный паренёк из старших классов Дейв Бойлер. В школе тот не пользовался популярностью, но в лесу его знали все. Чёрная бейсболка со сломанным козырьком, линялые джинсы, неизменная кофта цвета охры и огромный дробовик старого образца, который в руках Дейва бил без промаха. Гарольд часто видел его пьяным. Бойлер обычно ходил на охоту с шестериком пива, чаще – с двумя. Но когда целился в зверя, сразу трезвел. Было *что-то* у Дейва внутри, и это *что-то* – холодное и расчётливое – отщёлкивало алкогольное опьянение, как рубильник, аккуратно когда затыльник приклада соприкасался с плечом и правый глаз закрывался. Зрение становилось ясным, тело – обездвиженным, реакция – молниеносной.

Именно это *нечто* привлекало Гарольда.

Стрелков в лесу было много, талантом обладал только один. И его владелец даже не осознавал свою особенность.

Это влекло Гарольда еще больше. Он знал, что у Дейва есть охотничья хижина в лесу, по слухам, тот хранил в ней трофеи. Гарольд ежедневно ходил по лесу, но никогда не наткнулся на таинственное убежище. Хижина Дейва Бойлера была для него возможностью прикоснуться к прекрасному, сродни тому, как пожать руку Эдварду Ван Халену⁸. Что-то далёкое, но достижимое, отчего только прибавляет в значимости.

Маринвилл останавливается. Его внимание привлекают резкие рваные движения, не свойственные листве на ветру.

Белка.

В пятнадцати метрах.

Гарольд сбрасывает наушники на шею, вскидывает арбалет и одновременно опускается на колено в мох. Он старается вести себя небрежно, этак «невелико дело». Именно так держался бы Дейв Бойлер – расслабленно. Убийство любит мягкость.

Белка застыла в прицеле, обхватив ствол дерева почти у самой земли. Гарольд делает вдох, выпускает половину набранного воздуха и медленно жмёт на спусковой крючок, будто втыкает семечко во влажную землю. Не успел. Хлопок тетивы раздаётся уже после того, как белка рванула с места. Цель – головка зверька – уходит в сторону, и дротик при-

⁸ Эдвард (Эдди) Лодевейк Ван Хален – американский гитарист голландского происхождения. Автор песен, конструктор гитар и усилительной аппаратуры. Основатель (вместе со своим братом Алексом) одноимённой хард-рок-группы *Van Halen*.

шпиливает её переднюю лапку к стволу дерева.

«Не идеально, но допустимо», – оценивает Гарольд. Он не бежит, а неспешно направляется к своей добыче.

Дедушка предупреждал, что на охоте случается всякое. Охота – жестокий промысел. Не всегда добыча падает с маленькой красной дырочкой в груди. Ты можешь отстрелить зверю лапу, и он убежит на трёх оставшихся. Обязанность охотника в таком случае – найти раненое животное по кровавым следам и прекратить мучения выстрелом в голову. Так говорит дедушка, и так считают все фермеры в округе. У общин есть свои правила.

Гарольд «козьей ногой» перезаряжает арбалет. Зверёк дёргается из стороны в сторону. Мальчик прижимает стремя арбалета к беличьей голове, кладёт палец на спусковой крючок и... Что-то стучит в нём протестом, скандирует в глубине, через секунду – ближе. Против эвтаназии. Не за этим он пришёл, не пищу добывать – нечто большее. Эвтаназия всё погубит. Он откладывает арбалет в сторону. Бережно берёт зверька в ладонь и медленно сдавливая шею. Мальчик чувствует затихающее сердцебиение грызуна. Когда белка перестаёт дергаться, он кладёт тельце под дерево, благодарно гладит пушистый хвост мёртвого животного, затем нюхает руку. Кровь и мех. Пахнет смертью. Пахнет лучше яблоневого сада, мастерской дедушки, вишнёвого табака. Он ощущает умиротворение и *тепло*, растёкшееся по телу алкогольным эффектом.

Где-то рядом журчит ручей.

Этот звук был и раньше, но теперь он нужен Гарольду. Мальчик закидывает арбалет на плечо, забирает свой первый трофей – беличью лапку – и направляется на звук воды.

Вода в ручье мутная, течение быстрое, кровь с рук Гарольда почти сразу уходит в поток, но он продолжает стоять на коленях, опустив ладони в прохладную воду. Рот чуть приоткрыт, глаза чуть приоткрыты. Он в трансе. Ему ещё никогда в жизни не было так хорошо, он чувствует внутри себя *тепло*. Через несколько минут что-то клюёт его в плечо, в шею, в макушку. Дождь начинает рисовать круги на воде. Гарольд встаёт, но не бежит в сторону дома. Мокрая одежда и волосы его не заботят, теперь он чувствует в себе жар, обрётённый после убийства. Мальчик расправляет плечи и принимает дождь, крепко-крепко зажмуривает глаза и вслепую, вытянув руки перед собой, движется по лесу. Он делает это по наитию, *тепло* внутри указывает ему направление.

«Искренняя вера делает человека сильнее. И неважно, во что он верит» – так, кажется, говорил преподобный Хэтч Риггинс по кабельному телевидению.

Гарольд верит, что забрал *тепло* у мёртвого животного, и теперь *она* указывает ему путь. Звучит глупо, но он *искренне* в это верит.

Через пять минут шум ручья остается позади. В ушах шелест дождя, в ноздрях петрикор, в глазах темнота.

Через пятнадцать минут он натывается на очередное де-

рево, но ствол его отличается от предыдущих. Гладкий, отёсанный от коры. Шаг вправо, ещё один ствол. Гарольд открывает глаза – перед ним небольшое строение. Остов из десяти брёвен внутри обит горбылём, крыша из шифера. Со всех сторон сооружения плотный кордон хвойных деревьев, такой, что найти это место целенаправленно невозможно, если только случайно не набрести на него с закрытыми глазами. И Гарольда, словно акулу, впервые попробовавшую плоть, привело сюда чутьё. Плотный запах, как от хвоста мёртвой белки, только стократ сильнее, льётся из нутра постройки. Из дверного пролёта, невзирая на свежесть дождя, отчётливо тянет смертью.

Это лесная хижина Дейва Бойлера.

* * *

Гарольд сидит на разделочном столе. От его одежды пахнет теплом и испарением. На стенах трофеи Дейва – олени черепа, кабаньи копыта, заячьи лапы. На верёвках вялятся ключья сырого розового мяса, на столе недопитая бутылка пива, Гарольд берёт ее, делает глоток, морщится, но допивает.

Идеальный день. Все запреты сняты. Он попробовал вкус смерти и теперь сидит в логове кумира, пьёт его алкоголь. Это не аккуратный сарай дедушки, здесь всё по-настоящему: кровь, небрежность, кости, шкуры, смерть всюду. Грязному

делу – грязный антураж. С дедушкой он ходил вокруг да около, здесь оказался в центре. Маринвилл возбуждён происходящим, мальчик ощущает, как *тепло*, забранное им у белки, уходит в низ живота, в джинсах становится тесно. Он кладёт руку на пах и сжимает. Это его первая эрекция, Гарольд ещё не знает, что это такое, но, получив удовольствие от прикосновения, он сжимает и разжимает своё достоинство через джинсы.

«Не убивай зверя, от которого ты не сможешь ничего взять. Нельзя убивать ради забавы», – говорил дедушка.

Но Гарольд мог. Он мог взять намного больше, чем его дедушка, чем любой другой взрослый охотник. Кто из этих любителей поговорить о справедливости мог взять *тепло* мёртвого животного?

Сжимает, разжимает.

Никто.

А зачем тогда вообще убивать? Шкуры, мясо, кости – это всё детскость, не стоящая смерти. То, что Гарольд получил от мёртвой белки, нельзя было ни разглядеть, ни потрогать. Это осталось в нём. Конвульсии, страх, боль – вот что взаправду.

Сжимает, разжимает.

Даже в свои девять лет Гарольд понимает, что он особенный, таких в обществе не любят. Дейва Бойлера считают изгоем, хотя он и вполонину не такой, как Гарольд. По меркам общества Гарольд Маринвилл – опасность. Плохо ли это?

Вряд ли. По меркам стада зебр лев – тоже опасность. Нет белого и чёрного; в лесной хижине Дейва Гарольд впервые осознаёт, что стал жертвой своей потребности. Попробуй, объясни это тому, у кого такой потребности никогда не было.

Мальчик содрогнулся и кончил.

Его пенис ничего не исторг, спермы в нём попросту еще не было, но удовольствие потекло по всему телу волной завершенности.

Тепло вышло.

Убийство даётся не каждому, Гарольд, как никто другой, понимал это. Дедушка был в этом деле любителем. Дейв Бойлер – новичком, но кумиром, потому что лучше него в округе никого не было. Гарольд хотел стать профессионалом.

Шоссе I-93N

Мотель «Оленьи рога»

Начинка дорожной сумки – это психологический портрет путешественника, и путешественник скрывает его за маской из ткани, кожи, брезента. Вот истинная причина всех неувязок на таможне. Таможенники пытаются выпотрошить, путешественники обороняются. Человек укладывает в дорожную сумку свою тайну. Запасные рубашки, брюки, носки, платья, нижнее белье – всё это лишь второй слой защиты, уже после кожи с брезентом. А в центре затаился секрет. Настоящее лицо путешественника.

В багажном отсеке «Шевроле Субурбан» три дорожные сумки: Гарольда Маринвилла, Пола Кауфмана, Брета Салливана.

* * *

Троица сидит за столом в ресторане мотеля «Оленьи рога». Название над входом в двухэтажное здание объявляют изогнутые в готическом стиле светящиеся буквы. С момента их выезда из города прошло пять часов. Подкрепиться – это идея Гарольда, съевшего все припасы, взятые с собой в

дорогу. Брет, сменивший Пола за рулём, свернул на автостоянку мотеля уже после тридцатого выкрика Гарольда: «Хочу есть!» Брет считал лично, мысленно пообещав себе, что будет терпеть до тридцатого.

На первом этаже мотеля находится ресторан и регистрационная стойка, почти всё остальное пространство усеяно дубовыми столиками. Над головами посетителей нависает чугунная пятисоткилограммовая люстра, стилизованная под рыцарские времена несколькими десятками свечей-лампочек. Пахнет здесь свежей древесиной и мебельным воском. На несущей стене – олени рога, скальпы животных угрожающе ощериваются мёртвым лесом от самого пола до подстропильных балок. В помещении витает дух шестнадцатого века и охоты.

Две винтовые лестницы на второй этаж поднимаются по правую и левую сторону от регистрационной стойки: ступени застланы вишнёвым ковром, балясины отёсаны в виде диких животных. Второй этаж здания распределён под номера.

Мотель находится в лесу. За окнами сейчас кромешная тьма. Стрелки напольных часов с гирями показывают 2:20. С первыми лучами солнца здесь начнётся суeta: персонал, охотники, туристы, – но пока в ресторане посетителей нет. О популярности заведения сообщают только выстроившиеся на стоянке машины, в основном внедорожники, чьи хозяева сейчас спят на втором этаже мотеля. «Олени рога» – это не просто ночлег для туристов, в первую очередь это место сбо-

ра охотников. Основной финансовый успех мотеля кроется в местоположении: лес притягивает стрелков из Нью-Йорка.

* * *

Начинка багажа Брета (небольшая дорожная сумка из мешковины).

Две пары шорт, джинсы, три футболки, теплый свитер. Старая затертая бейсболка с вышитыми над козырьком алыми буквами «Бостон Ред Сокс». Запасное нижнее бельё и носки. Аудиокассета «Хиты рок-н-ролла. 55-й». Зубная щётка, паста, мыло, шампунь. Книги, которые Брет купил в городе: Энтони Бёрджесс, Иэн Бэнкс, Томас Харрис, сборник рассказов Рэя Брэдбери и три увесистых тома Джона Ирвинга. На самом дне, зажатая между одеждой и массивом книг, затаилась стопка листов А4 – рукопись Брета, его незаконченный роман.

* * *

– Ставлю десятку, этот парень сегодня ночью постучит к тебе в номер.

– Какой парень? – спрашивает Брет.

Гарольд указывает большим пальцем себе за спину. Прилизанный официант протирает столы.

– *Этот* парень, – говорит Маринвилл. – Он пялится на тебя весь вечер. Уверен, в его воображении ты уже час как голым танцуешь сальсу.

Острóты Маринвилла успели надоесть за пять часов езды. Про сексуальные меньшинства, проституток, апартеид, политику и вновь про сексуальные меньшинства. Круг за кругом.

Брет не уделяет этому должного внимания, он молча смотрит перед собой. Трапеза подошла к концу: объедки цыплёнка табака, размякшая в клюквенном соусе картошка фри, груда салфеток, пустые бокалы. Салливан смотрит на Гарольда и непроизвольно вздрагивает: тот выуживает зубочисткой кусок застрявшего между зубов мяса, слюна тонкой паутиной растягивается вслед за зубочисткой до самого стола, обрывается и виснет на рубашке от *Bill Blass*, поперёк галстука от *Claiborne*.

Вся элегантность коту под хвост.

Гарольд не замечает и всё захлебывается от смеха.

* * *

Начинка багажа Гарольда (громоздкий чемодан из натуральной кожи от *Bottega Veneta*).

Аккуратно уложенная дизайнерская одежда на общую стоимость в сто сорок пять тысяч долларов. Много одежды. Плюс сшитые на заказ три пары ботинок. Запасное ниж-

нее бельё и носки. Тёмные солнцезащитные очки *Giorgio Armani*. Револьвер 21-го калибра. Зубная щётка, паста, гель для душа, шампунь. Восемь аудиокассет с наклейками, корявыми буквами на которых написано: «Избранное 92-й», «Избранное 93-й», «Избранное 94-й»... На самом дне – зажатая между массивами одежды, завёрнутая в рубашку от *Paul Stuart*, лежит затёртая фотокарточка. Снимок сделан на «Полароид». На фотографии мужчина в грязной одежде сидит, привалившись к кирпичной стене. Освещение тусклое, сфотографировано в тёмном проулке, но вспышка «Полароида» даёт возможность разглядеть: голова мужчины раздулась и стала размером с футбольный мяч, вся в синих отёках, а из бока человека торчит рукоятка ножа.

* * *

Маринвилл всё смеется. Официант начинает косо смотреть в их сторону. Даже миротворец Пол устаёт держать форму улыбки:

– Гарольд, я, конечно, понимаю, что ты поклонник второго таланта Элтона Джона.

– Второго?

– Того, что ближе к анусу, – поясняет Брет.

– Но не надоело тебе, – продолжает Пол, – сводить всё к банальному сексу? Почему бы...

– Это природа, Пол, – серьёзно говорит Гарольд. – Сексу-

альный инстинкт – это основной инстинкт. Либи́до. На нём основана вся наша жизнь, Зигмунд Фрейд в своих трудах прямолинейно даёт понять: от природы нельзя просто взять и уйти. Да, её можно отсрочить, озадачить, перенаправить, недопонять... но никак не обмануть. Природа сама кого хочешь обманет. Рано или поздно она настигает и имеет тебя в задницу.

Брет согласно кивает:

– Зигмунд Фрейд, собрание сочинений, том пятый, глава вторая – «Истоки перепиха».

– Именно. – Гарольд невозмутимо указывает на Брета. – А что касается Элтона Джона – этот парень хорош. Особенно его песня «Эпизод войны». Как там она начинается? Ну-ка, напоём все вместе. – И Маринвилл поёт один: – Ведь это не битва, дорогая, ведь это не бой!

– У него нет слуха. – Кауфман поворачивается к Брету. – *Вообще* нет.

То пискляво, то басовито Гарольд продолжает петь:

– Что же ты так волнуешься, если я пропадал всю ночь, и если я выпил, что же тут криминального? Я весело провёл время. Почему ты зовёшь это эпизодом войны?

– Ладно, мужик. – Пол беспомощно поднимает руки. – Если это ультиматум, то давай поговорим о сексуальных меньшинствах.

Брет согласно кивает.

Но Гарольда не остановить:

– Эпизод войны! Эпизод войны!

У официанта глаза на лоб лезут.

Музыкальный ад растягивается на бесконечную минуту.

Затем Маринвилл переводит дыхание:

– Если бы вы, ребята, внимательно слушали, – говорит он, – то поняли, что песня и есть про меньшинства. Там все завуалировано. «Эпизод войны» – это самая гигантская дань трагедии однополой любви за всю историю человечества.

Пока Гарольд не решил «проанализировать» ещё один куплет, Пол на скорую руку меняет тему:

– Как насчёт вскипевшего пива в багажнике? Есть решение. Попросим у администрации временно занять вон тот холодильник.

Гарольд и Брет смотрят в указанном направлении. Огромный холодильник. За стеклянной дверцей одна бутылка «Перье» и два пакета сока – всё, что оставили спящие на втором этаже стрелки.

Гарольду идея по душе. Он гладит живот:

– Пиво я люблю.

Брет не разделяет воодушевления Гарольда:

– Пол, ты хочешь остановиться здесь на ночь?

– Почему нет?

– Ты ведь знаешь, что ехать до озера Плейсид двое суток, если без остановок?

– Об этом я узнал уже после того, как купил пять упаковок пива, – пожимает плечами Пол. – Думал, к вечеру будем

на озере и употребим их по назначению. А в чём проблема? Остудим за ночь, выпьем по дороге.

Гарольд присвистывает и размышляет вслух:

– Двое суток. Четверо – с ночёвками.

– Двое суток без ночёвок, – говорит Брет. – Так быстрее и дешевле.

Дешевле. Кауфман повторяет это слово про себя несколько раз. Звучит ново. Возможно, глупо. За последнее время спектр цен «дёшево – дорого» слился для него в одну точку под названием «неважно». И только сейчас Пол осознаёт, что Брету, в отличие от него с Гарольдом, повезло многим меньше. В то время как они разъезжали на родстерах от клуба к клубу, Брет потел над картофельным полем.

* * *

Начинка багажа Пола (кожаный чемодан средних размеров).

Джинсы, две футболки, две пары шорт. Несколько дизайнерских пиджаков, одни дизайнерские брюки. Солнцезащитные очки. Запасное нижнее бельё и носки. Гавайская рубашка. Зубная щётка, паста, гель для душа, шампунь. На самом дне, завернутая в кашемировый свитер, лежит книга. Золотистые буквы на чёрной обложке сильно затёрты, но надпись можно разобрать: «Уильям Голдинг, “Повелитель мух”».

Ушей Гарольда акцент на слове «дешевле» не касается:

– Не-а. Так не пойдёт. Комфорт – вот мой козырь. Выспаться, позавтракать, отправиться в путь с охлаждённым пивом – это по мне.

– Зачем я вообще его купил, – разочарованно качает головой Пол.

– Комфорт? – переспрашивает Гарольда Брет. – Если я ничего не путаю, то ты, в отличие от Пола, знал о продолжительности нашей поездки ещё до того, как мы отъехали?

– Я же не предлагал ехать двое суток подряд.

– Знал?

– Не понимаю, что ты хочешь этим сказать...

– Я хочу сказать, ты собирался в дорогу, уже *зная*, как долго мы будем ехать.

– Да, чёрт возьми, знал!

– И вырядился в костюм, затянув галстук, точно завтра выпускной в Йеле.

– Я учусь в Гарварде.

– А затянул, как будто в Йеле. Не жарковато будет, мистер Комфорт? На улице плюс тридцать градусов.

– Раньше приедем, – бодро вставляет Пол, – раньше отдохнём.

– Это дизайнерская одежда. – Гарольд самодовольно хмы-

кает. – Ди-зай-нер-ская. И мне в ней комфортно. Я лучше надену шубу от *Calvin Klein*, чем *недизайнерские* шорты и футболку из «Уолмарта». Мой моральный комфорт с лихвой покрывает физический.

– А как насчет *дизайнерских* шорт?

– Чёрт, – лыбится Гарольд. – Брюс Бойер⁹ – слышал о таком? Элегантность – вот мой ответ.

Брет цитирует:

– «Ваш наряд должен выглядеть аккуратно, но, прежде всего, естественно. Прекрасно отполированный, но неуместный внешний вид делает вас грубо-самовлюблённым».

– Это ещё что за дерьмо?

– Брюс Бойер, «Истинный стиль». Твоё дерьмо.

– Всё, тайм! – Пол стучит правой рукой по предплечью левой. – Тайм-аут!

– Я ещё не закончил. – Гарольд вскипает.

Салливан пожимает плечами:

– Пускай заканчивает.

– Я вообще в смеси из дизайнерской и недизайнерской, – гнёт своё Пол.

– То, что ты деревенщина, – говорит Гарольд, – всем известно.

Пол меняется в лице. Маринвилл принимает перевес и вяло идёт на уступки:

– Главное, не в латексной. При нынешнем обслуживании

⁹ Брюс Бойер – эксперт мужской моды и автор книги «Истинный стиль».

такой покрой небезопасен.

– Просто заткнись, Гарольд. – Брет устало машет рукой, его внимание теперь занимает официант, застывший у барной стойки, тот сжимает в кулаке полотенце, озлобленно смотрит на Маринвилла. – Иначе этот парень отшлёпает тебя грязной тряпкой по заднице. Давай дальше, что там у тебя? Проститутки? Политики?

– Брет прав. – Пол оценивает официанта. – Давай про Клинтон – Левински¹⁰.

– Ладно. – Гарольд достаёт из внутреннего кармана пиджака бумажник из крокодиловой кожи и машет официанту. – Посмотрим на нашего тряпичного бойца.

Парень направляется к их столику, занеся руку с полотенцем за спину.

– Счёт, пожалуйста. – Маринвилл прищёлкивает пальцами.

Официант удаляется.

Пол качает головой:

– Давай без фокусов. Забудь про пиво, поедем в ночь.

Гарольд пропускает слова Пола мимо ушей. Через минуту официант приносит папку с чеком. Рука всё так же занесена за спину, но теперь это не полотенце, а что-то блестящее. Гарольд отсчитывает указанную в чеке сумму и укладывает

¹⁰ Скандал Клинтон – Левински – громкий американский политический сексуальный скандал, разразившийся в 1998 году вследствие обнародования факта сексуальных отношений между 49-летним президентом США Биллом Клинтон и 22-летней сотрудницей Белого дома Моникой Левински.

купюры в папку, затем обращается к официанту:

– Номера холодильниками оборудованы?

– Нет.

– Мы привезли с собой пять упаковок пива. Не подсказешь, с кем здесь можно переговорить по поводу их охлаждения? Интересует вон та криокамера.

Кратко глянув в указанном направлении, официант говорит:

– Использование рабочего инвентаря мотеля в целях посетителей строго запрещено правилами.

– Тогда позови мне кого-нибудь из администрации мотеля, и мы потолкуем о правилах.

– Нет.

Пол и Брет удивлённо переглядываются.

– Что значит – нет? – У Гарольда челюсть сводит от возмущения. – Или ты сейчас позовёшь своего менеджера, или я сам отыщу твоего менеджера. И мы будем говорить не только о правилах использования рабочего инвентаря.

– «Нет», – поясняет официант, – значит «нет никого из администрации». После полуночи я здесь за главного. Один из плюсов ночной смены. Напитки вам придётся оставить при себе. – Пауза. – Так решила администрация.

Гарольд с трудом давит гнев, но тон меняет:

– Тогда, может, – достаёт из бумажника двадцать долларов и кидает поверх папки, – с тобой договоримся?

– Мне не нужна взятка.

– Чаевые, – сладко поправляет Маринвилл.

– Если настаиваете.

– Настаиваю.

– Но чаевые, в отличие от взятки, не дают право на использование рабочего инвентаря мотеля в целях посетителей.

Ощувив в воздухе знакомые вибрации, Пол кладёт руку на плечо Гарольда, сжимает и шепчет в ухо:

– Пойдём, Гарольд. Подышим воздухом.

– Да какого хрена?! Что возомнил о себе этот мудила гороховый?!

Лезвие мясницкого ножа за спиной официанта всколыхнулось подобно хвосту скорпиона.

Брет хватает разгорячённого Гарольда за второе плечо и тянет от стола, впервые ощутив физически далеко не малый вес друга.

– Всё в порядке, пойдём.

Маринвилл вскрикнул, высвободил руку и рванул вперёд. Официант весь напружинился, готовясь к атаке. Гарольд схватил лежащую на папке двадцатку, запихнул в карман и шумно выдохнул:

– Теперь в порядке. Пойдём отсюда.

Проходя мимо официанта, Пол говорит:

– С ним иногда бывает.

Официант кивает. Брет хлопает его по плечу.

Троица выходит из тёплого света «Оленьих рогов» в прохладную ночь, и Гарольд кричит что есть мочи:

– Эпизод войны! Эпизод войны!

Шоссе I-93N

– Можешь не злиться, – говорит Пол. – Этот парень нашинковал бы твои причиндалы в капусту. Ты стал бы одним из них.

– Как Кен¹¹, – кивает Брет. – Без пиписочки.

Сидящий на заднем сиденье Гарольд никого не слышит.

– Ублюдок, – бормочет он, уставившись в пустоту. – Чёртов дикий ублюдок.

Прошёл час, как тёмно-красный «Шевроле Субурбан» отъехал от «Оленьих рогов». Немного для тихой ночной езды и в самый раз, чтобы взвинтить нервы бесконечным монологом о бастардах с заднего сиденья.

После очередного яркого высказывания Гарольда в адрес официанта «Шевроле» резко останавливается.

– Пора меня сменить, – говорит Салливан.

– Хорошо. – Пол отстёгивает ремень безопасности. – Я сяду за руль. – И, проследив за озлобленным взглядом Брета в сторону Гарольда, повторяет с нажимом: – *Я сяду.*

– Не твоя очередь.

– Он не в себе. – Пол наклоняется к Брету: – За руль ему нельзя.

¹¹ Кен – игрушка от американской компании *Mattel*, бойфренд куклы Барби. Появился в 1961 году (Барби – в 1959-м).

Брет сверлит взглядом макушку Маринвилла, но тот не шевелится, бубнит себе под нос. Салливан сдаётся и тянет ручной тормоз.

Хлопнули двери. Пол с Бретом поменялись местами.

– Вы спите, а я, как устану, разбужу кого-нибудь из вас. –
Поймав взгляд Брета, Пол добавляет: – Тебя, Гарольд. Так что заткнись и спи.

Салливан откидывается на подголовник.

Поначалу сон не приходит, его рушит ворчанье с заднего сиденья, но мягкий свет фар, выхватывающий из темноты дорогу, вводит в гипнотическое состояние. Брет засыпает.

* * *

Двери хлопнули.

Салливан встрепенулся. Пол с Гарольдом поменялись местами, значит, прошло не меньше часа. На улице всё так же темно, и к рассвету дело не близится. «Субурбан» трогается. За рулём Гарольд продолжает свою бесконечную мантру о незаконнорожденных.

«*Большой Город – зло...*» – последняя мысль, посетившая Брета перед тем, как он вновь засыпает.

Большой...

Город...

...УДАР.

Визг тормозов. Тяжёлый джип качнуло, повело юзом и чуть не снесло с дороги. Брета швыряет на приборную панель. Машина останавливается.

На улице темно. Салливан потерял счёт времени.

С заднего сиденья раздаётся дрожащий голос Пола:

– Какого...

– Что случилось? – Брет хватает Маринвилла за руку, которая сжимает рычаг переключения скоростей.

– Там... – Пол испуганно указывает на возвышение посреди дороги.

Тёмный неясный силуэт.

Фары не могут дать нужной чёткости, чтобы понять, *что* это такое. Ночь пожирает лучи света чернильным туманом.

Гарольд сидит молча, не шевелится. Он в трансе, как при прослушивании «Столкновения» с Норой Эмес. Проходит ещё несколько долгих секунд, прежде чем Маринвилл поворачивается к Брету. Под слабым отблеском фар виднеется его искорёженное тенями лицо, на губах ухмылка – или тени лепят ухмылку?

– *Оленьи рога мертвы.*

– Что?.. – Брету либо послышалось, либо сон ещё не отпустил его в реальность. – Что ты несёшь? – Он наклоняется

к Гарольду.

– Оленёнок, – повторяет Маринвилл. – Я сбил оленёнка.

Салливан смотрит на освещённое полотно асфальта. Теперь бесформенный холмик, возвышающийся над дорогой, обретает безобидные черты.

– Отлично, Гарольд, – выдыхает с заднего сиденья Пол. Раздражённо, но облегчённо: – Вяленой оленины нам не хватало.

Гарольд молча открывает дверь, выходит из машины и направляется к туше животного, останавливается перед ней и опускается на колени.

– А что если, – шепчет Пол, – он не разглядел и оленёнок окажется кабаном? Или хуже – медведем, например. Маленький, но медведь.

– Ещё не совсем мёртвый медведь, – заканчивает его мысль Брет.

Оба выскакивают из машины и бегут к Гарольду, останавливаются.

Оленёнок. Мёртвый.

Не больше полутора метра в длину. Передние ноги сломаны, шерсть на шее влажная – из раны медленно течёт кровь. Сердце животного закончило свою работу.

– Гарольд, ты как? – Брет кладёт руку ему на плечо. – Всё в порядке?

Он не ощущает под рукой ни дрожи, ни пота, ни страха – ничего, кроме материи от *Bill Blass* и тишины.

– Гарольд?

Стоя на коленях, тот молча гладит мёртвого зверя. Это трудно объяснить, но в движениях Маринвилла чувствуется благодарность и уважение.

– А что ему станется? – возмущённо спрашивает Пол, подтверждая осязание Брета. – Сшиб животину, чуть не улетел в кювет, помял бампер *твоего* джипа, а теперь наслаждается плодами охоты. Буффало Билл¹² ждёт оваций. Не будем томить: круто, мужик! – Пол звучно хлопает три раза в ладоши и разочарованно добавляет: – Вообще не круто.

Звук эхом отражается от глухих стен леса.

Брет убирает руку с плеча Гарольда и настороженно вглядывается во тьму. Эхо напоминает о чёрной, непроницаемой массе деревьев, скрывающей в своём чреве зверей.

Салливан делает шаг назад.

Зверей, как этот оленёнок, или более крупных. Таких, которые способны заставить выпрыгнуть загнанную жертву на дорогу, под колёса машины, а затем притаиться и выжидать. Изучать конкурента, отобравшего пищу. Чтобы оценить его силы.

Салливан делает ещё три шага назад и чувствует, как в спину упирается что-то острое. Резко оборачивается. Ветки. Страх лижет спину, и пот из горячего в секунду становится холодным. В нескольких сантиметрах от его лица – лес. Гу-

¹² Буффало Билл – американский охотник. Известен убийством нескольких тысяч бизонов в период их массового истребления в США.

стой, молчаливый, чёрный.

Брет быстрым шагом направляется к «Шевроле».

– Уходим, – бросает он изучающим тело оленёнка Полу и Гарольду.

– Эй! – кричит Пол уже взявшемуся за дверную ручку Брету. – Может, уберём тушу с дороги? Оттащим хотя бы к обочине?

– Проклятье. – Брет медлит. Он пытается справиться с охватившей его паникой. Справляться есть с чем, год назад он видел, как задранного медведем человека грузили по частям в мешок. Страх придаёт воспоминаниям красок.

– Что? – кричит Пол. – Ты что-то сказал?

– Я говорю, верно. – Брет говорит громче: – Надо оттащить. Иначе кто-нибудь влетит на скорости. – Он подходит к туше оленёнка. – Я возьмусь за передние ноги, а ты, Пол...

– Я сам, – вызывается Гарольд.

Брет вытирает тыльной стороной ладони пот со лба и удивлённо смотрит на Гарольда:

– Что значит – ты сам?

– Я сбил – я оттащу.

– Уверен?

– Он не тяжёлый, справлюсь.

– Это не похоже на Гарольда Маринвилла, – шурится Пол. – Совесть, что ты сделала с нашим мерзким другом?

Гарольд угрожающе смотрит на Пола.

Этого хватает. Кауфман направляется к машине:

– Пойдём, Брет, оставим охотника наедине с добычей, пока тот не передумал.

* * *

Брет садится за руль. Пол – на сиденье справа. Они смотрят в сторону леса. Гарольд с мертвым оленёнком уже растворились во тьме.

Через минуту молчания Брет говорит:

– Нужно было остаться.

– Брось. Что с ним случится? Присел по-большому. Я бы сам на его месте не сдержался – парень съел все наши запасы.

– Ладно.

– Я слишком хорошо его знаю. Чем дольше он там высидит, тем меньше достанется нам. Мистер Маринвилл – ходячая сырная бомба, настоящая фабрика по производству воздушного...

– Ладно.

Но Пол входит в раж:

– Я тебе вот что скажу: машинный салон – не место для таких антисоциальных личностей. Помню нашу с ним поездку в Сент-Луис, к концу поездки я благоухал, как гигантский вьё булонь¹³. И это был не поверхностный запашок – Гарольд пропитал меня насквозь. Я *стал* вьё булоном. Чёр-

¹³ Вьё булонь – французский мягкий сыр, который приобрёл известность как самый вонючий сыр в мире.

тово стрельбище. Пускать воздух из попы – это сомнительное умение, но Маринвилл возвёл его в ранг искусства. До сих пор не могу понять – как человек вообще способен на такое? Это законно? А ещё я не могу понять, что так долго можно делать в ночном лесу. – Пауза. – Господи, его что, сожрали?

Со стороны леса раздаётся шуршание, хруст веток, и в свет фар выходит Гарольд.

Он весь в крови.

* * *

– Трогаем. – Маринвилл плюхается на заднее сиденье. – А мне надо переодеться.

Брет включает передачу. «Шевроле» набирает скорость.

– Всё нормально?

– Если ты про кровь, – раздаётся с заднего сиденья, – то это кровь оленёнка.

– Никакая это не кровь. – Пол подмигивает Брету и перечисляет: – Бурый Тони, Жидкий Джимми, Прыскающая Жозель. Называй, как хочешь, но будь наш Гарольд легче на пару десятков кило – взлетел бы на этом каштановом гейзере, как межконтинентальная баллистическая ракета. Напор был что надо, Гарольд? Не отвечай. Вижу. Я лично знал одного парня, который подобным образом перемещался в пространстве. Джоули из собственного дерьма – экономичная штука,

знаете ли. Мой взгляд в недалёкое будущее: люди забудут про автомобили.

Брет говорит:

– Я имел в виду в целом.

– Нормально ли всё в целом? Дай-ка подумать. – Гарольд тоже перечисляет: – Я сбил зверя, помял бампер твоего джипа, мой дизайнерский костюм за десять тысяч баксов выглядит как фартук мясника, официант чуть не зарезал меня за то, что я возжелал глотнуть холодного пива...

– Всё нормально, – нетерпеливо перебивает Пол. – Я что хочу сказать? Аэрогидрокосмические системы развиваются с самого 1984 года не в том направлении...

– ...чёртов дикий ублюдок, – заканчивает Гарольд.

Следующие полчаса проходят в научно-дефекальных лекциях Пола Кауфмана и теориях возмездия Гарольда Маринвилла. Последующие полчаса – под мерное сопение Пола и Гарольда.

В 6:05 раздаётся трескучий, протяжный, жалобный, душе-раздирающий звук с заднего сиденья.

Салливан тянет носом.

– Точь-в-точь. – Он искренне удивлён. Прежде чем открыть окно, Брет даже делает контрольный вдох и утвердительно кивает: – Вьё булонь.

* * *

Начинает светать, когда час Брета за рулём подходит к концу. Он расталкивает Пола и меняется с ним местами. Брет откидывается на подголовник, но не засыпает, ему мешают воспоминания.

«Оленьи рога».

Официант.

Оленёнок весь в крови.

Ухмыляющийся Гарольд.

Сон отступает. Уходит как волна, обнажая самые ранние воспоминания вместо береговой линии.

Детство.

Старый олень.

Картофельное поле.

Угодье Дружбы.

Прилив. И сон накрывает Брета с головой. Брет засыпает, но остаётся среди воспоминаний.

Ему десять лет.

Он в ста метрах от Угодья Дружбы. На отцовской ферме.

* * *

Сны, которые переносят тебя в детство, идеальны. Лакта-

ция. Безмятежность. Эйфория. Защищённость. Если только эти сны не переносят тебя в самые страшные моменты детства. Безысходность. Каталепсия. Паника. Мышечная атония. Головной мозг пытается бороться, но выбраться из анабиозного капкана ему уже не под силу. Слишком подавлен. Спящему человеку остаётся лишь наблюдать ужас – ещё и ещё раз. Брет наблюдает.

Окрестности Грейнтс-Хилл

За одиннадцать лет до событий на шоссе I-93N

Десятилетний Брет стоит в ста метрах от Угодья Дружбы.

В руках у него нож.

Он набирает полную грудь воздуха: ароматы рододендрона, арбузная свежесть только что скошенной травы, медовый запах полевых цветов. Он прислушивается: отдалённый лай Бакса (так Брет прозвал свою собаку), жужжание пчёл, стрёкот цикад, рычание газонокосилки.

Звуки и запахи наполняют его.

Мальчик наклоняется и втыкает в землю столярный отцовский нож. Земля твёрдая, лезвие входит туго, как в плоть животного, – знакомое ощущение. Брет уже свеживал животных, помогая отцу в хозяйстве: обычная грязная работа, но есть в ней что-то притягательное, мужское. Возможно, именно поэтому он решил воткнуть нож в почву сейчас – освежить воспоминания. Наедине с самим собой человек не стыдится своих потаённых желаний; стыд – это рамки общества.

Рукоять, отполированная множеством прикосновений, блестит на солнце. Брет стоит на линии скоса: правой ногой на поле клевера, левой – на полёгшей траве. Эта линия разделяет два мира, у каждого из миров свои звуки и запахи. По левую сторону от Брета двухэтажный деревянный дом, где

живут они с отцом, ухоженная лужайка, сам отец, медленно катящийся вдоль дома газонокосилку, тьявкующий вокруг него Сукин Сын (так Салливан-старший прозвал собаку Брета). Это всё знакомо. По правую сторону от Брета – другой мир. Правой ступнёй он приминает малую часть огромной жужжащей поляны и смотрит в её даль. За поляной – Угодье Дружбы. За Угодьем Дружбы – лес. За лесом – новое, неизведанные звуки и запахи. Туда Брет сегодня и направится.

Газонокосилка смолкает. Шуршание травы, топот ног. Брет оборачивается и видит, как его новые друзья – Гарольд и Пол – останавливаются перед Салливаном-старшим. Два восьмилетних мальчика. Гарольд одной рукой гладит Ублюдка (так друзья Брета прозвали собаку Брета), второй рукой – копну своих кудрявых волос, будто сравнивая, у кого волосяной покров гуще. Пол спрашивает Генри Салливана, перекидывая тяжёлую плетёную корзину из одной руки в другую. Генри отвечает, указывает в сторону Брета, тот машет рукой, и друзья направляются к нему. Пол что-то кричит, но слова обрывает рык вновь заработавшей газонокосилки. Фонтан травы ударяет Баксу-Сукину-Сыну-Ублюдку в морду, и тот, взвизгнув, подпрыгивает: начинается новый раунд противостояния. Салливан-старший ворчит.

Подбежав к Брету, Пол протягивает большую корзину, накрытую полотенцем:

– Здесь всё, что я обещал. И даже больше.

– Ты, как всегда, в порядке, Пол. – Брет принимает корзи-

ну, взвешивает в руке – она звенит металлом и пахнет хлебом. Он говорит: – Теперь можно идти. Другсы-сосунки отпросились у родителей? Вернёмся поздно.

– «В порядке»? – переспрашивает Гарольд. – «Другсы-сосунки»?

– Так говорят.

– А. – Гарольд кивает. Дети легко воспринимают новую информацию.

Пол отвечает на вопрос Брета:

– Нет проблем, хоть на всю ночь. Моих предков срубило. – Он гордо выпячивает грудь: – Я подмешал им снотворное тёти Эльзы в чай.

– Молодцом, – хлопает его по плечу Брет. – А ты, Гарольд?

– Чёрта с два на всю ночь! У меня нет снотворного. И сегодня «За пригоршню долларов»¹⁴ полдесятого. Бродите сколько хотите, но без меня.

– До девяти успеем, – обещает Брет. Он выдёргивает столлярный нож из земли, переступает линию скоса и быстрым шагом направляется через поле, приминая кедами клевер.

Гарольд и Пол бегут следом.

– Эй, Брет, ты даже не посмотрел, что в корзине.

Салливан глянул сначала на полотенце, скрывающее содержимое корзины, затем на Пола.

¹⁴ «За пригоршню долларов» – классический художественный фильм Серджионе Леоне, первый «спагетти-вестерн» из «долларовой трилогии». Главную роль исполняет Клинт Иствуд.

– Зачем? Я и так знаю.

– Врёшь! – кричит Гарольд. – Даже я не знаю!

– Гарольд прав. Хрен я ему покажу.

– Тебя никто и не просил показывать, – фыркает Гарольд. – Таких, как ты, ждёт эпизод войны.

– Что?!

И Гарольд начинает петь писклявым голоском:

– Эпизод войны! Эпизод войны!

У Пола от недоумения глаза из орбит вылезают.

– Песня такая есть, – говорит Гарольд. – Радио надо слушать. Песня о том, как один крутой парень надирает задницу другому, плохому парню. То есть про меня и тебя песня. – Маринвилл поворачивается к Брету: – Спорим на бакс, ты не знаешь, что у Пола в корзине?

– Моя собака не продаётся, – говорит Брет. – А тех, кто торгует собаками, «Гринпис» трахает в задницу.

– «Трахает в задницу»? – мальчик озадачен. – «Гринпис»?

– Так говорят, – отмахивается Брет.

Но Пол с умным видом поясняет:

– Это, как «надирает». Только по серьёзному.

– А. – Гарольд кивает.

Брет щурится.

– Чертовски знакомая песня. – Он пытается вспомнить имя исполнителя. – Ну-ка, напой ещё разок, Гарольд.

– Эпизод войны! Эпизод войны!

– Что за стрёмный день, – вконец разочаровывается Пол.

– Точно, – кивает Брет. – Это Элтон Джон.

– Король лёгкого рока, – говорит Гарольд.

– Он в порядке.

– В полном порядке.

– Так что у меня в корзине, Брет? – повторяет Пол.

Салливан молча вышагивает по полю. Мальчики за ним еле поспевают. Он выше их на голову.

Первым ликующим оказывается Гарольд:

– Я так и знал! Всё ты врёшь! Клинт Иствуд лгунам яйца отстреливает.

– Брет безъяйцевый! – подхватывает Пол. – Брет безъяйцевый!

Но Брет с яйцами. Он отмеряет ещё десяток шагов и говорит:

– Три парафиновые свечи, масляные краски, остатки мебельного лака в жестяной банке, три кисточки, коробок спичек, холодный чай в термосе, сэндвичи и фирменный яблочный пирог от миссис Кауфман. – Он качает головой: – Когда наступает день моей очереди приносить корзину с ланчем, это не так вкусно. Мой отец не верит в стряпню, а сам я люблю готовить бургеры, в которых из начинки всё подряд, да побольше.

– Зря ты так, – говорит Гарольд. – Я люблю твои бургеры.

– Иисусий ангел! – удивлённо выкрикивает Пол. Этой фразе он научился у покойного прадедушки, тот употреблял её по сто раз в день без всякого повода: «Подай мне, иису-

сий ангел, банку с горчицей». «Зачем нам, иисусий ангел, дождь зимой?» Иисусий ангел то, иисусий ангел это. Даже перед смертью широко открыл глаза, пробормотал: «Иисусий ангел», – и отбыл. Правнук принял эстафету. Он кричит во второй раз ещё громче прежнего, и на этот раз фраза означает крайнюю степень восторга:

– Иисусий ангел, откуда ты знаешь, что у меня в корзине?! Всё верно перечислил. – Пол подбегает к Брету, поднимает край полотенца, заглядывает внутрь и говорит: – Точно. Ничего не упустил. Как ты это делаешь?

– Дело в звуках. И в запахах.

Поляну одуванчиков сменяет пашня. Здесь начинается картофельное поле. То самое, на котором впервые встретились трое друзей. Ровные ряды зелёной ботвы возвышаются над гребнями земли. Отец Брета гордится своим полем и делает это не зря – в уплату за литры пролитого пота оно приносит тонны урожая, оптовики из Большого Города скупают весь картофель фермера уже в первых числах сентября, сразу после уборки. За что платить есть – и Генри знает цену. Но картофельным полем является только для отца Брета и его клиентов, для самого Брета, Пола и Гарольда это Угодье Дружбы. Салливан-младший всему даёт названия, он считает, так нужно, и сегодня даст ещё пару. Фантазия у него хорошая, Брет умеет придумывать игры, бои, фантастические истории и даже эротические – про «киску» внучатой племянницы Джеймса Грэхема (самого зажиточного фермера в

окрестностях), которую он изловчился увидеть прошлым летом, – всё это восхищает ребят, придаёт Брету взрослости.

Глаза Гарольда вспыхивают, ступив на пашню, он вспомнил про истории Брета.

– Фантастические истории! – выкрикивает Маринвилл. – Брет, ты ведь расскажешь нам сегодня одну из них? Истории у тебя получаются не хуже бургеров.

– Мне как-то попалась кинза в бургере Брета, – говорит Пол. – *Кинза*.

– Я люблю кинзу, – говорит Гарольд. И, немного подумав, добавляет: – И финики.

– В бургере, Гарольд, – акцентирует Пол.

– Я люблю бургеры, – мечтательно говорит Гарольд.

– Мне иногда кажется, что этот парень слабоумный, – шепчет Пол Брету.

– Он просто любит поесть, – шепчет Брет Полу.

– Все жиртресты, – делает вывод Пол, – слабоумные.

Но Гарольд непробиваем.

– Бургеры и истории, – говорит он. Маринвилл обожает рассказы Брета, в них есть рыцари, кровь, пытки. – Сегодня ведь будут истории, Брет?

– А ты взял повязки? – спрашивает Салливан.

Маринвилл останавливается и испуганно ощупывает карманы джинсов.

Повязки тоже придумал Брет. «Чтобы погрузиться в историю и отсечь себя от реальности темнотой» – так он гово-

рит. И Пол с Гарольдом всегда послушно завязывают узлы на затылках. Пол настороженно следит за поисками Гарольда. В кулинарных изысках маленький Кауфман критичен – его мать работает поваром, – но рассказы Брета ему тоже нравятся, в них есть рыцари, схватки, доблесть.

– Есть! – кричит Гарольд и достаёт из кармана два чёрных платка.

Пол облегчённо выдыхает.

Картофельное поле близится к концу. Ребята проходят мимо громадного чучела с военной каской на соломенной голове, вместо правой руки у чучела ржавые садовые ножницы. Это Фриц Воронье Мясо. Сделал его Генри Салливан, имя дал Брет Салливан. Три головы поворачиваются на девяносто градусов: мальчики всегда оборачиваются, но чаще – останавливаются и подолгу разглядывают соломенного монстра. Пытаются уловить движение. Брет рассказал друзьям, что оно живое, но действует только ночью: весь день даёт воронам пообвыкнуться, посидеть, погадить на себя... а ночью *ЩЁЛК* – и рассекает одинокую прилетевшую птицу пополам своей железной рукой. Гарольд и Пол говорят Брету, что никогда не видели рядом с чучелом разрубленных ворон. Брет говорит им, что каждое утро убирает тушки, чтобы остальные птицы не заподозрили неладное. Генри говорит Брету, что его друзья – маленькие доверчивые идиоты, потому что вороны не летают ночью. Так или иначе, Фриц Воронье Мясо вызывает у мальчиков восхищение – от него веет древним

и чем-то потусторонним. Такие вещи всегда привлекают детей.

Когда чучело скрывается из виду, друзья поворачивают головы, и перед ними выстраивается древний лес.

– Пришли, – говорит Брет.

* * *

Брет любит лес. Большую часть своего свободного времени он проводит именно здесь – на окраинах сосновника. Заходить вглубь Генри Салливан запрещает сыну, хотя и догадывается, что граница запрета – пятьдесят метров – всё равно будет нарушена.

Брет, Гарольд и Пол переходят черту. Пахнет хвоей, мхом, сыростью. Пол наступает на ветку, и ребята слышат, как треск уходит во все стороны, затем тонет в привычных звуках леса – дятел, сойка, клёст. Сквозь кроны высоких деревьев во мрак чащи пробиваются лучи солнца, каждый луч превращается в прожектор из-за миллиона микроскопических частиц, парящих в воздухе. Мальчики поднимают головы и как загипнотизированные смотрят в эти столпы света. От переизбытка кислорода друзья ощущают лёгкое головокружение и приятную слабость по всему телу – лес наполняет их своим густым духом, даёт осязать себя. Брет любит это первое прикосновение, от него бегут мурашки по затылку.

Древнюю чашу перед фермой Салливана рассекают две

тропы. Гарольд, Пол и Брет стоят перед их началами: одна ведёт налево, другая – направо. Раньше собиратели ягод, грибники и охотники ходили по обеим, но три года назад проход по той, что ведёт направо, стал невозможен. Всё дело в ручье. Львиная Струя – так его окрестил Брет. Ручей пересекает тропу. Раньше поток был мощный, но не настолько широкий, чтобы человек не смог перепрыгнуть. И люди прыгали, потому что на той стороне ручья, в двухстах метрах к югу, находилось самое большое клюквенное болото. Люди прыгали через ручей с пустыми корзинами, а спустя час прыгали обратно с корзинами, наполненными до краёв красными ягодами. Клюква собиралась не поштучно, а гроздьями – мох болота был окровавлен её плодами. Но теперь всё по-другому. Многочисленных голосов собирателей со стороны болота уже давно не слышно, туда больше никто не ходит. Дело в том, что ручей набрал силу и мощь – сказались дождливые сезоны, которые пошли один за другим. Строительство моста через вышедший из берегов ручей никто не хотел финансировать, а все сваленные деревья-переправы уносило потоком, который успел прославиться своей яростью.

«Львиная Струя. – Трое друзей стояли у кустов акаций и справляли малую нужду, когда Брет решил пояснить, что к чему. – Лев ведь огромное животное? Огромному животному – огромную струю».

Ручей и вправду был длинным, широким и далеко не прозрачным. Матово-жёлтая масса бурлила от истока до устья.

Из-за недостатка средств провалилась первая затея – построить мост, а вторая – обогнуть ручей пешком – доказала абсурдность первой: когда собиратели всё-таки добрались до легендарного болота в обход, то не увидели ягод. Клюква скрылась под водой и загнила.

«Чего и стоило ожидать, – скажет Брет. – «Ушла, как «Титаник». Львиная Струя берёт своё начало на болоте, и ручей – это только показатель того, что творится на самом болоте. Если ручей превратился в реку, значит, болото превратилось в море».

Собиратели ушли с затонувшего болота ни с чем. С тех пор оно перестало быть легендарным в плане ягод и стало легендарным в плане историй. А тропа, которая вела к ручью, заросла за ненадобностью. Что не дало ей исчезнуть окончательно, так это грибки, не оставляющие попыток обогнуть ручей в жаркую погоду, ну, и, естественно, сам Брет, истоптавший все окраины леса. Хоть ручей и находится дальше разрешённых отцом пятидесяти метров, Брета это не останавливает: «Слушать рык Львиной Струи я готов вечно. Она в порядке».

И сейчас.

Брет стоит на перепутье двух лесных троп. Он поворачивает голову направо, вытягивает шею в сторону заросшей тропы и прислушивается. Пол и Гарольд следуют его примеру. Шелест листьев, стрёкот насекомых, пение птиц... и вот он, накрывающий все эти звуки утробным монотонным

рыком. В жаркую погоду ручей, конечно, не так агрессивен, как в дождливую, но Брет удовлетворённо кивает – этот рёв он ни с каким другим не спутает. Салливану не терпится побыстрее добраться до ручья, и он знает, как это сделать.

– Вы видели задницу Бакса? – говорит он друзьям.

– А кто её не видел?

– Он всегда голым ходит, – соглашается Гарольд.

– Хорошо, что вы в курсе. – Брет назидательно поднимает палец: – Потому что на этой кудлатой заднице расположился клещ, настолько здоровенный, что сам Генри Салливан не решается его вытащить. А вы знаете моего отца.

– Он не из робких, – соглашается Пол.

– Крутой мужик, – кивает Гарольд.

– И это только подливает масла в огонь, – говорит Брет.

– В какой такой огонь? – спрашивает Гарольд.

– В огонь азарта. – Салливан прижимает корзину к груди, делает шаг в сторону заросшей тропы, той, что ведёт вправо, а затем срывается с места и кричит уже на ходу: – Кто последним прибежит к поляне у ручья, тот вытаскивает клеща из задницы Бакса!

Пол без лишних слов срывается следом. Гарольд, отчаянно взвизгнув, – последним. Лесная тропа заросшая и узкая, так что к поляне у ручья после пятиминутного забега мальчишки прибегают в таком же порядке: Брет, Пол, Гарольд.

– Нечестно! – канючит запыхавшийся Гарольд. – Там было не обогнать!

– Ты просто поддался! – Пол смеётся. – Тебе нравится объёмный зад Ублюдка, в этом всё дело, я видел, как ты его сегодня елозил. Разминался перед боем, парень?

– Иди ты. – Гарольд показывает ему средний палец. – Ещё одно слово, и я расскажу миссис Кауфман, что ты накачал её снотворным.

– Стукач.

– Дипломат, – поправляет Гарольд.

– Чего?!

– Регулировщик отношений, – гордо объясняет Маринвилл то, что ему сегодня объяснил отец за просмотром политических новостей по кабельному.

– ...отношений между задницей и насекомым. – Пол кабельное не смотрит.

Брет ставит корзину в центр поляны и обходит прилегающие к ней кусты, он ищет оставленные им с утра заготовки. Находит. Вытаскивает из-под барбариса три одинаковых полена. Мальчики сразу прекращают спор и смотрят на старшего друга в предвкушении хорошей новости.

– У нас будет свой флот, – объявляет Брет и достаёт отцовский столярный нож.

* * *

С одной стороны поляну отсекает ручей, с другой – замыкает дугой лес. Эта поляна-полукруг становится на ближай-

шие два часа мастерской Брета и его друзей.

Столярным ножом Салливан вырезает стружку, в воздухе пахнет деревом, лезвие, сверкая на солнце, всё глубже уходит в нутро полена. Брет смахивает тыльной стороной ладони пот со лба и сосредоточенно высматривает «лишнее» для палубы дерево. Работа идёт быстро. Первый корабль готов через полчаса: небольшой, остроносый, с закруглённой кормой, он напоминает марсельскую шхуну. Брет передаёт своё детище Полу и Гарольду. Мальчики, вооружённые кисточками, приступают к покраске. Несмотря на свои восемь лет, получается у них вполне неплохо. Брет не кривит душой:

– Вполне неплохо.

Производство кораблей набирает ход. Один выстругивает, двое красят. Пол с Гарольдом, поочередно подбегают к ручью, чтобы промыть кисточки.

– Крутой у тебя нож, Брет, – подмечает Гарольд.

– Это отцовский. Он сдаёт мне его в аренду за помощь в хозяйстве. Говорит, что подарит на четырнадцатилетие. Говорит, в четырнадцать я стану мастером и заслужу его.

– А пока не заслужил? – Пол указывает на кораблик кисточкой: – Ведь похоже на работу мастера. Разве нет?

– Это многофункциональный нож, – говорит Салливан. – Им можно создавать и разрушать. Я должен научиться делать и то и другое.

– Например?

– Убивать животных.

– Это ж проще, – Пол пожимает плечами. – Убить каждый может, а вот корабль попробуй, сделай.

– Я не могу, – говорит Брет. – Свежевать могу, а убивать – нет.

– Если полоумный Джо Пепси может, то и ты сможешь.

– Джо Пепси? – переспрашивает Гарольд. – Это ещё кто? Пол удивлён, но скорее даже возмущён незнанием Гарольда:

– Парень, ты телик вообще смотришь?

– Серийный убийца, орудовавший в Большом Городе, – объясняет Гарольду Брет.

– Он потрошил своих жертв – девушек-студенток – столовым ножом, – говорит Пол.

Брет отвлекается от работы и поднимает нож:

– Таким как этот.

– И у него был почерк. – Пол рассказывает: – Джо брал с собой на охоту две стеклянные бутылки пепси-колы. Выслеживал жертву в тихом месте, убивал, потрошил, затем садился на труп, прямо на грудную клетку, и отдыхал.

– Что-о? – Гарольд не верит своим ушам.

– Отдыхал, – кивает Пол. – Неспешно выпивал две пепси-колы, а бутылки всегда аккуратно складывал в выпотрошенное тело. Подробности узнали, когда его зафиксировала парковая камера.

– И его поймали? – Гарольд с надеждой смотрит на Пола.

– Не-а, – качает головой Кауфман. – В объектив не попало

лицо. На данный момент Джо Пепси уже выпил и «употребил по назначению» двадцать четыре бутылки.

– Два ящика, – говорит Брет.

– Двенадцать жертв, – говорит Пол.

– Господи, – выдыхает Гарольд. – Почему такие вообще рождаются?

Салливан пожимает плечами:

– Львов много рождается.

– Причём здесь вообще львы? – морщится Пол.

– Лев ведь ест зебр? – Брет говорит: – Мы просто не львы, нам не понять Джо Пепси, потому что мы – зебры. Он в наших глазах всегда будет монстром.

– Это другое, – говорит Пол.

– Совсем другое, – говорит Гарольд.

– Одно и то же, – говорит Брет. – Никто не виноват в том, каким его сделала природа. – Он строгаёт, вглядывается в форштевень корабля и говорит белым стружкам: – Сегодня ты один, а завтра другой. Человек меняется. Я боюсь убить животное ножом, но мне нравится, как сталь входит в мёртвую тушу при свежевании, хотя раньше я боялся и свежевать. Возможно, завтра мне будет нравиться убивать. Кто-то может обуздать свои желания, кто-то нет. И дело не только в силе воли, чаще всего дело именно в силе желания.

– Возможно, – кивает Гарольд. – Но если я стану таким, как Джо Пепси, пообещай убить меня, Брет.

– И меня, – говорит Пол.

– Для начала мне нужно перейти на зверьё. – Брет улыбается. – А потом я займусь вами.

Дети смеются.

Затем Салливан говорит уже серьёзно:

– И меня тоже. Пообещайте.

Гарольд и Пол молча кивают.

Через час флот готов: три корабля выстроились в ряд и сохнут на солнце. На борту у каждого название: «Непобедимый» – Пола, «Серебряный» – Брета, «Эпизод войны» – Гарольда.

Маринвиллу не терпится начать гонку, но Брет вовремя перехватывает его руку:

– Дай им время, Гарольд. Они не просохли.

– Ага, – поддерживает Пол. – Или ты хочешь, чтобы борта нашей флотилии были заляпаны отпечатками лап какого-то идиота-великана?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.